14485

И. М. Покровскій,

дѣйств. членъ Общества арх., ист. и этн.

П-48

ГЕРМОГЕНЪ,

МИТРОПОЛИТЪ КАЗАНСКІЙ И АСТРАХАНСКІЙ,

впослѣдствіи патріархъ Всероссійскій,

ПЕРВЫЙ МѢСТНЫЙ ДУХОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ—ИСТОРИКЪ,

И ЕГО ЗАСЛУГИ ДЛЯ КАЗАНИ

(съ 1579 по 1606 г.).

Рѣчь, прочитанная въ годичномъ собраніи Общества археологіи, исторіи и этнографіи 18 марта 1907 г.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1907.

1г

ПРОВЕРЕНО
1939 г.

И. М. Покровскій,

П-48 дѣйств. членъ Общества арх., ист. и эти.

ГЕРМОГЕНЪ,

МИТРОПОЛИТЪ КАЗАНСКІЙ И АСТРАХАНСКІЙ,

впослѣдствіи патріархъ Всероссійскій,

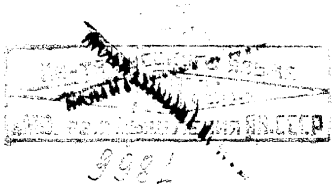
ПЕРВЫЙ МѢСТНЫЙ ДУХОВНЫЙ ПИСАТЕЛЬ—ИСТОРИКЪ,

И ЕГО ЗАСЛУГИ ДЛЯ КАЗАНИ

(съ 1579 по 1606 г.).

Рѣчь, прочитанная въ годичномъ собраніи Общества археологіи, исторіи и этнографіи 18 марта 1907 г.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1907.



Печатано по опредѣленію Совѣта Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь К. Харламповичъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
761
58

Отдѣльный оттискъ изъ XXIII тома «Извѣстій Общества арх., ист. и этн.».

3-го іюля 1906 г. исполнилось 300 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ замѣчательный русскій іерархъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій и астраханскій, оставилъ казанскую митрополичью каѳедру, будучи избранъ на всероссійской патріаршій престолъ. Это событіе, уже отмѣченное въ Казани воспоминаніемъ о м. Гермогенѣ, не должно остаться неотмѣченнымъ и нашимъ Обществомъ. Въ настоящемъ годичномъ засѣданіи, посвященномъ 1906-му году, я беру на себя смѣлость сказать нѣсколько словъ о томъ, чье имя выступаетъ съ особымъ величіемъ среди славныхъ именъ христіанской Казани XVI и начала XVII вѣка. Никто не будетъ отрицать, что митрополитъ Гермогенъ—этотъ казанскій старожилъ, первый мѣстный духовный писатель и замѣчательный казанскій дѣятель, какъ-то, забытъ въ дорогой ему Казани. А между тѣмъ, намъ—казанцамъ слѣдовало, хотя изрѣдка вспоминать о немъ. Вѣдь только первое 25-лѣтіе жизни христіанской Казани, со времени ея присоединенія къ Русской державѣ въ 1552 г., не сливается съ жизнью и дѣятельностью этого великаго чело-

вѣка. Впрочемъ и это время воспроизведено имъ литературно въ замѣчательныхъ твореніяхъ—житіяхъ первыхъ казанскихъ просвѣтителей и въ установленіи мѣстныхъ праздниковъ. Литературная дѣятельность м. Гермогена налагаетъ даже нѣкоторую обязанность на наше Общество археологіи, исторіи и этнографіи, преслѣдующее широкія задачи, вспомнить о м. Гермогенѣ, какъ казанскомъ духовномъ писателѣ и неустанномъ радѣтелѣ о культурномъ процвѣтаніи не только Казани, но и всего казанскаго края. Понынѣ, чрезъ 300 лѣтъ, весьма многое напоминаетъ казанцамъ о великомъ русскомъ широкообразованномъ человѣкѣ.

Въ 1579 году мы застаемъ Гермогена священникомъ казанской николо-гостиннодворской церкви далеко не молодымъ. Ему тогда были около пятидесяти лѣтъ. Къ сожалѣнію, цѣлое это полстолѣтіе изъ жизни м. Гермогена пока скрыто отъ насъ. Сохранилось слишкомъ глухое преданіе, что родиной Гермогена была Казань. По этому преданію онъ долженъ быть особенно дорогъ казанцамъ, какъ носитель семидесятипятилѣтней исторіи христіанской и иновѣрной Казани. Но мы оставимъ это слишкомъ смутное преданіе, заявивъ: когда, гдѣ, отъ кого родился Гермогенъ и какое было его мірское имя, достовѣрно не извѣстно. Даже самое сословіе, которое дало Россіи Гермогена, точно не опредѣлено. Но, видимо, для всѣхъ тогдашнихъ сословій дорого было имя великаго русскаго человѣка. Какъ въ древности семь городовъ спорили о чести считаться родиной величайшаго греческаго поэта Гомера, такъ точно чуть не всѣ русскія сословія называли Гермогена своимъ. Поэтому и русскіе историки до сего времени не согласились,—къ какому сословію отнести его по происхожденію: одни полагаютъ, что онъ былъ невысокаго рода и принадлежалъ къ тяглому городскому сословію; у него былъ зять въ Вяткѣ посадскій человѣкъ,—Корнилій Рязанцевъ; по другому мнѣнію, Гермогенъ былъ донской казакъ, т. е. военный человѣкъ;

по словамъ историка С. М. Соловьева онъ происходилъ изъ рода князей Голицыныхъ и до постриженія носилъ имя Ермолая; наконецъ, Гермогена считаютъ родственникомъ царя Василія Ивановича Шуйскаго [1]). Такое разногласіе говоритъ лишь о томъ, что Гермогенъ былъ дорогъ всѣмъ русскимъ людямъ и для всѣхъ русскихъ онъ былъ свой.

Въ исторіи Казани память о Гермогенѣ сохранилась прежде всего какъ о священникѣ николо-гостиннодворской церкви и какъ участникѣ величайшаго событія въ тяжелое время для христіанской Казани.

Въ 1576 году христіанская Казань лишилась своего просвѣтителя св. Варсонофія, епископа тверского, жившаго на покоѣ въ спасо-преображенскомъ монастырѣ, послѣдняго изъ великой казанской троицы. Первый изъ этой троицы св. Гурій еще въ 1563 г. отошелъ въ вѣчный покой, второго— св. Германа, скончавшагося въ 1567 году, пріютила московская могила при церкви св. Николы Мокраго.

Христіанская Казань осиротѣла. У нея не осталось въ живыхъ ни одного дорогого имени, озареннаго величіемъ христіанскаго подвига въ просвѣщеніи инородцевъ. Варсонофій, какъ знатокъ инородческихъ языковъ и безмездный врачъ душъ и тѣлесъ, одинаково былъ дорогъ и русскимъ и инородцамъ.

Къ довершенію печали въ іюнѣ 1579 года въ Казани случился необыкновенный пожаръ. Сгорѣла большая часть казанскаго посада, всѣ торговые ряды, великокняжескій дворецъ и даже спасо-пресбраженскій монастырь, гдѣ погребены были св. Гурій и Варсонофій. Въ пожарѣ 1579 г. многіе, особенно магометане, видѣли гнѣвъ Божій на христіанъ, а потому унижали самое достоинство христіанства предъ иновѣріемъ. „Истинная православная вѣра бысть въ притчу

---

[1]) Русскій Архивъ 1901 г. кн. III, стр. 125. Акты Запад. Россіи IV, № 209, стр. 481.

и поруганіе, источника цѣлебнаго не бѣ тогда въ Казани", писалъ святитель Гермогенъ. Но въ утѣшеніе скорби христіанъ на мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Данила Онучина, откуда начался страшный пожаръ 1579 г. и гдѣ нынѣ находится холодная церковь казанскаго женскаго монастыря, 8-го іюля чудесно явилась икона Божіей Матери, сдѣлавшаяся святымъ знаменемъ не только для Казани, но и для всей православной Россіи, съ которымъ послѣдняя шла на защиту себя и православной вѣры и съ которымъ каждый вѣрующій могъ смѣло идти по бурнымъ волнамъ житейскаго моря. Великое событіе взволновало и одушевило всю христіанскую Казань. Нѣтъ словъ описать тогдашній религіозный подъемъ и христіанское воодушевленіе казанцевъ. Первымъ, кто удостоился взять дивную икону Божіей Матери отъ земли и показать ее народу, а затѣмъ перенести въ ближайшую церковь св. Николая тульскаго, не далеко отъ нынѣшней пятницкой ц., былъ николо-гостиннодворскій іерей, впослѣдствіи святитель Гермогенъ. Тогдашній казанскій архипастырь Іеремія поручилъ ему, какъ выдающемуся и образованному іерею, слѣдить за порядкомъ небывалаго казанскаго торжества. Будущій святитель, какъ очевидецъ и ближайшій руководитель въ іюльскихъ торжествахъ, разсказываетъ, какъ самъ архіепископъ и воеводы съ плачемъ молились, припадая къ чудотворной иконѣ. Начавшіяся чудеса и постоянныя церковныя службы въ соборѣ еще больше воодушевили народъ и самого гостиннодворскаго іерея. При самомъ дѣятельномъ его участіи составлено было первое краткое сказаніе о явленіи иконы Божіей Матери и чудесахъ отъ нея и послано царю Грозному. Царь Іоаннъ Васильевичъ, удивленный великолѣпіемъ начертанія явленнаго образа и всѣмъ случившимся въ новой его отчинѣ Казани, на мѣстѣ явленія иконы велѣлъ поставить деревянную церковь во имя Пресв. Богородицы и такимъ образомъ основалъ первый казанскій женскій монастырь, сдѣлавшійся предметомъ заботъ царствующей фамиліи и благочестивыхъ казанцевъ.

Въ явленіи иконы и чудесахъ отъ нея открылось величіе христіанства.

Въ чемъ и какъ выражалась пастырская церковно-общественная дѣятельность николо-гостиннодворскаго іерея послѣ 1579 г., казанская исторія пока скрываетъ отъ насъ. Но подъемъ религіознаго духа послѣ явленія иконы, постоянныя чудеса отъ нея, а вмѣстѣ съ этимъ весьма возможная семейная катастрофа—смерть жены—указали ему новый путь служенія въ Казани. Онъ принимаетъ монашество и постригается съ именемъ Гермогена и вѣроятно вскорѣ, по постриженіи въ 1587 году, избирается настоятелемъ казанскаго спасо-преображенскаго монастыря въ санѣ архимандрита. Съ особымъ умиленіемъ и преклоненіемъ предъ величіемъ перваго спасо-преображенскаго настоятеля св. Варсонофія, Гермогенъ принялъ настоятельство въ знаменитой обители. „И мнѣ непотребному, пишетъ самъ Гермогенъ, случися въ той святой обители, пятому по немъ, т. е. Варсонофіи, быти, на мѣстѣ его стояти и жезлъ его въ руку своею держати“.

Не болѣе трехъ лѣтъ св. Гермогенъ настоятельствовалъ въ обители св. Варсонофія. Но эти немногіе годы пребыванія его въ спасо-преображенскомъ монастырѣ представляютъ время усиленнаго труда. Св. обитель еще не успѣла оправиться отъ пожара 1579 году и далека была отъ подобающаго ей величія: въ ней не успѣли даже поставить каменной преображенской церкви. Возстановленная послѣ пожара главная монастырская деревянная церковь — Преображенія была скорѣе убога, чѣмъ величественна. Между тѣмъ, святое мѣсто погребенія казанскихъ просвѣтителей требовало достойнаго величія храмовъ. Вполнѣ естественно, что забота о благоустройствѣ спасо-преображенской обители не была окончена св. Гермогеномъ за время краткаго настоятельства, но ее вы-

полнилъ при его участіи келейный другъ его архимандритъ Арсеній. На долю архимандрита Арсенія (1594—1606 гг.), долго жившаго съ св. Гермогеномъ въ одной кельѣ, выпалъ трудъ по устройству главнаго каменнаго монастырскаго храма. Живѣйшее и дѣятельное участіе св. Гермогена при постройкѣ этого благолѣпнаго храма во имя Преображенія не подлежитъ сомнѣнію уже по одному тому, что архимандритъ Арсеній, въ 1594 году, получилъ настоятельство въ обители не безъ вліянія святителя и торжественно посвященъ имъ. Самъ Гермогенъ съ 1589 года уже стоялъ на мѣстѣ святителя Гурія и, какъ достойнѣйшій, носилъ въ своихъ рукахъ его святительскій жезлъ, именуясь митрополитомъ казанскимъ и астраханскимъ. Гермогенъ первый получилъ титулъ митрополита. Всѣ предшествующіе ему казанскіе іерархи назывались только архіепископами.

Обстоятельства, при которыхъ св. Гермогенъ возведенъ былъ на казанскую митрополичью каѳедру и условія его архипастырскаго служенія въ обширномъ краѣ, состоявшемъ изъ двухъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, въ исторіи Русской церкви и государства были исключительными.

Въ 1584 году умеръ великій и жалкій человѣкъ Іоаннъ Грозный. Царскій престолъ, облитый кровью жертвъ царской жестокости, подогрѣтой опричниной, нужно было укрѣпить за его сыномъ Ѳеодоромъ при разыгравшихся боярскихъ страстяхъ. Благодаря всегдашней преданности русскаго человѣка своему царю, законный наслѣдникъ укрѣпился. Русская іерархія, униженная царемъ Грознымъ въ лицѣ митрополитовъ Филиппа и Германа, также не встала противъ царя; она терпѣливо перенесла ужасы и опалы безумнаго времени и, сохранивъ свое достоинство, наконецъ возвышена была въ лицѣ перваго русскаго патріарха Іова (1589 г.).

Соотвѣтственно своему сану, помимо церковнаго значенія, патріархъ получилъ важное земское и политическое значеніе, сдѣлавшись начальнымъ человѣкомъ. Митрополиты четырехъ

главнѣйшихъ городовъ и областей, въ томъ числѣ Гермогенъ казанскій и астраханскій, поставленный на каѳедру при самомъ учрежденіи патріаршества, въ своихъ областяхъ являлись съ тѣми же правами и значеніемъ.

Велика была честь митрополита Гермогена, но она же требовала отъ него неусыпныхъ заботъ. Для казанскаго края онъ обязывался быть, и дѣйствительно былъ, неуклоннымъ носителемъ и выразителемъ задачъ и полномочій, возложенныхъ еще на казанскаго первосвятителя Гурія, въ цѣляхъ просвѣщенія полуязыческаго края, а вмѣстѣ и укрѣпленія Казанскаго и Астраханскаго царствъ за Русью и Русскою церковью. Съ величайшимъ достоинствомъ м. Гермогенъ въ продолженіе 17 лѣтъ держалъ святительскій жезлъ казанскаго первопрестольника. Онъ, подобно святителю Гурію, былъ ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства, первымъ совѣтникомъ казанскихъ намѣстниковъ и воеводъ, охранителемъ русскихъ интересовъ и печальникомъ за только что просвѣщенныхъ христіанъ изъ инородцевъ. Какъ святитель Германъ, онъ не преклонялся предъ неправдой и не искалъ личнаго благополучія. Сила ума, непреклонность воли, а главное,—память о славныхъ предшественникахъ на каѳедрѣ, беззавѣтная преданность дорогому отечеству, скорбь о культурной и религіозной темнотѣ инородцевъ, выдвигали святителя въ ряду тогдашнихъ іерарховъ и воодушевляли его архипастырскій подвигъ въ трудные годы. Подъ его ближайшимъ руководствомъ воспитались такіе знаменитые борцы и страдальцы за Русь и православіе, какъ іерархи Ѳеодосій астраханскій и Галактіонъ суздальскій. Галактіонъ былъ преемникомъ св. Гермогена по настоятельству въ спасо-преображенскомъ монастырѣ; Ѳеодосію въ 1602 г. Гермогенъ уступилъ часть своей епархіи, а затѣмъ, когда Ѳеодосій, возставшій противъ Лжедимитрія, вызвалъ опалу самозванца, Гермогенъ, будучи уже патріархомъ, пріютилъ и спасъ его на своемъ дворѣ.

Заботы о казанской паствѣ и христіанскомъ величіи Казани для Гермогена начались съ перваго дня его посвященія въ митрополита. Будучи въ Москвѣ для хиротоніи, онъ лично ведетъ одушевленную бесѣду съ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ о необходимости постройки каменнаго храма въ казанскомъ женскомъ монастырѣ и о достойномъ украшеніи явленной чудотворной иконы Божіей Матери. Царь, „съ теплою вѣрою и горя духомъ“, выражаетъ полнѣйшую готовность „недостаточная исполнити“ въ своей отчинѣ—въ Казани. Можно предполагать, что за одно заходила рѣчь и о каменномъ преображенскомъ храмѣ при могилахъ казанскихъ просвѣтителей.

Съ какою радостью и бодростью духа ѣхалъ м. Гермогенъ въ дорогую ему Казань, съ которой успѣлъ сжиться, и въ которой все для него было дорого! Но, съ другой стороны, своимъ проницательнымъ умомъ онъ понималъ, какъ много предстоитъ ему труда на отвѣтственномъ святительскомъ посту. У гробовъ казанскихъ просвѣтителей, этихъ великихъ проводниковъ христіанства въ инородческомъ краѣ, глубокія мысли и тяжелыя думы сдѣлались еще живѣе и настойчивѣе. Теперь святитель Гермогенъ былъ отвѣтственъ предъ избравшими его русскимъ народомъ, іерархами и царемъ за дальнѣйшій ростъ христіанства и русской силы въ новой царской отчизнѣ и важнѣйшей митрополіи. Ему слышался голосъ живыхъ и умершихъ русскихъ людей, костями которыхъ переполнены были казанскіе холмы; до него доносились мольбы инородцевъ, успѣвшихъ сдѣлаться истинными христіанами и даже пострадать за Христа. На него смотрѣла вся тогдашняя св. Русь, на него обращены были строгіе взоры такъ недавно царелюбивой, святой и истинно русской Москвы.

Скоро думы святителя сдѣлалась еще тревожнѣе. И было отъ чего. Прошло только два года отвѣтственной просвѣтитель-

ной дѣятельности его въ санѣ митрополита и защитника русскихъ интересовъ на необъятной окраинѣ Россіи, какъ надъ святой Русью и Москвой разразилась гроза. 15 мая 1591 года въ г. Угличѣ неожиданно погибъ единственный братъ царя Ѳеодора Іоанновича Дмитрій. Царь горячо любилъ его и, за неимѣніемъ дѣтей, въ немъ могъ видѣть своего прямого наслѣдника. Разные толки о загадочной смерти, въ которыхъ трудно разобраться даже при настоящихъ требованіяхъ безпристрастной исторіи, разносились всюду. Тѣнь народнаго подозрѣнія въ убійствѣ царевича Димитрія упала на царскаго шурина Бориса Годунова, успѣвшаго въ значительной мѣрѣ забрать власть въ свои руки. Это обстоятельство усилило царское, а вмѣстѣ и русское горе. Раскаты угличской грозы быстро разносились по всей Московіи. Что то зловѣщее приносилось съ ними. Всякіе толки доходили и до Казани. М. Гермогенъ своимъ чуткимъ русскимъ сердцемъ и историческимъ умомъ сразу и лучше другихъ понялъ всю важность несчастья для царскаго дома, въ частности для царя Ѳеодора Ивановича, въ довѣріе котораго успѣлъ уже войти казанскій святитель. Печальное событіе близъ русскаго престола, обагреннаго кровію предпослѣдняго Рюриковича, особенно вредно могло отозваться на паствѣ м. Гермогена, такъ какъ Казань и Казанскій край съ ихъ инородческимъ населеніемъ еще не крѣпки были русскими традиціями. Къ тому же живые примѣры христіанскаго подвига среди инородцевъ и силы русскаго духа въ Казани стали забываться, а распространявшійся туманъ отъ мрачнаго угличскаго событія могъ совсѣмъ изгладить память о нихъ. Св. Гермогенъ, какъ человѣкъ начитанный и исторически образованный, спѣшитъ возстановить въ своей митрополіи память о забытыхъ казанскихъ подвижникахъ Іоаннѣ новомъ, Стефанѣ и Петрѣ, пострадавшихъ за исповѣданіе Христа. Двое послѣднихъ были изъ инородцевъ—татаръ.

Одновременно м. Гермогенъ старался возбудить въ русскихъ казанцахъ патріотизмъ возстановленіемъ памяти о рус-

скихъ герояхъ, князьяхъ, боярахъ, воеводахъ, воинахъ и всѣхъ православныхъ христіанахъ, побитыхъ въ разное время подъ Казанью и въ казанскихъ предѣлахъ. Лучшимъ средствомъ возстановленія благодарной памяти къ героямъ было церковное поминовеніе ихъ. 9 янв. 1592 года м. Гермогенъ писалъ патр. Іову объ этомъ. Патріархъ Іовъ вполнѣ раздѣлялъ его мысли и не замедлилъ отвѣтить на челобитье изъ Казани. 25 февр. была уже получена въ Казани патріаршая грамота, писанная 3 февраля. Патріархъ благословилъ ежегодно поминать казанскихъ героевъ во всей митрополіи на обѣднѣ совершеніемъ панихиды въ первую субботу послѣ праздника Покрова, когда царь Грозный началъ послѣднюю осаду Казани, сдавшейся 2 октября.

Память казанскихъ исповѣдниковъ и мучениковъ установлено совершать 24 янв., въ день мученической кончины Іоанна новаго.

Та быстрота, съ какой патріархъ Іовъ отозвался на челобитье Гермогена, самое лучшее доказательство необыкновенной важности для Казани и казанскаго края предпріятія святителя—возстановить память о христіанскихъ подвижникахъ и русскихъ герояхъ, на костяхъ которыхъ встала христіанская и русская Казань.

Въ томъ же 1592 году м. Гермогенъ перенесъ нетлѣнныя мощи святителя Германа изъ Москвы въ Свіяжскъ въ успенскій монастырь. Мощи святителя Германа, второго казанскаго архіепископа, силою взятаго на московскій митрополичій престолъ, сдѣлались великой святыней не только Свіяжска, но и всего казанскаго края. На поклоненіе имъ стекались и стекаются народныя массы почитателей, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ.

М. Гермогенъ, перенося мощи святителя Германа въ Свіяжскъ и воскрешая память о подвижникахъ инородцахъ изъ татаръ, Стефанѣ и Петрѣ, имѣлъ въ виду и чисто миссіонерскія цѣли.

Просвѣщеніе инородцевъ—татаръ, чувашъ, черемисъ—свѣтомъ христіанства было всегдашней заботой его. По вступленіи на каѳедру онъ сталъ призывать всѣхъ новокрещеновъ въ соборъ, говорилъ имъ поученія, наставляя, какъ нужно жить въ христіанствѣ. Къ сожалѣнію, ревностный архипастырь не встрѣтилъ поддержки въ тогдашнихъ казанскихъ воеводахъ, такъ что вынужденъ былъ писать царю объ упадкѣ миссіи и слабости новокрещеновъ въ христіанской вѣрѣ. Отвѣтная царская грамота (отъ 1593 г. 18 іюля) на имя казанскихъ властей свидѣтельствуетъ, что лучшей внѣшней мѣрой для укрѣпленія христіанства среди новокрещенныхъ считалось отдѣленіе ихъ отъ некрещеныхъ въ особую слободу въ Казани, съ постройкой въ ней церкви, и надѣленіе переселенныхъ землей изъ ближайшихъ къ Казани дворцовыхъ земель, а также запрещеніе строить мечети и даже уничтожить построенныя по недосмотру и „по оплошкѣ“ свѣтской власти. При самыхъ тяжелыхъ условіяхъ миссіи лично у м. Гермогена оставалась прежняя мѣра проповѣди христіанства—наученіе въ соборной церкви и духовная епитимія по правиламъ св. апостоловъ. Репрессивныя правительственныя мѣры по отношенію къ отступникамъ и неутвердившимся въ христіанствѣ инородцамъ, какъ бы набрасываютъ тѣнь на свѣтлую личность проповѣдника. Но было бы слишкомъ долго выяснять этотъ вопросъ, скажемъ лишь одно—святитель искренне желалъ поднять нравственный уровень маловѣрныхъ отеческими наставленіями въ храмѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко былъ убѣжденъ, что совмѣстная жизнь слабовѣрныхъ христіанъ-инородцевъ среди невѣрныхъ главная причина отступничества при отсутствіи христіанскихъ пастырей и отдаленности христіанскихъ храмовъ среди инородцевъ, о чемъ не безъ сердечной скорби м. Гермогенъ писалъ царю. [1])

---

[1]) А. А. Э. I, № 358.

Вся послѣдующая архипастырская дѣятельность св. Гермогена была направлена исключительно къ возбужденію христіанскихъ религіозныхъ чувствъ среди русскихъ и инородцевъ и опять таки въ живыхъ примѣрахъ и самыхъ осязательныхъ образахъ. Онъ строитъ въ 1594 г. величественный каменный храмъ на мѣстѣ явленія иконы Пресв. Богородицы; освящаетъ его въ 1595 году къ возвеличенію въ Троицѣ славимаго Бога; составляетъ сказаніе о явленіи св. иконы и ея чудесахъ въ цѣляхъ поднятія народной вѣры.

Въ слѣдующемъ 1596 году онъ первый и прежде всѣхъ своими руками осязалъ святыя и чудотворныя мощи святителей Гурія и Варсонофія, обрѣтенныя нетлѣнными при закладѣ новаго каменнаго храма на мѣстѣ, гдѣ онѣ были погребены. Новая каменная пятиглавая спасо-преображенская церковь, построенная и освященная м. Гермогеномъ, куда были перенесены мощи св. Гурія, по своему величію и красотѣ мало чѣмъ уступала церкви московскаго новодѣвичьяго монастыря, построенной около того времени.

Вмѣстѣ съ останками казанскихъ просвѣтителей обрѣтены были останки иноковъ Іоны и Нектарія, бояръ Застолбскихъ, служившихъ св. Гурію. Послѣ панихиды они были снова погребены. Благочестивые казанцы „до-днесь“ чтутъ могилы и этихъ угодниковъ Божіихъ.

М. Гермогенъ, какъ человѣкъ образованный, уже извѣстный за писателя по исторіи казанской церкви по благословенію патріарха и желанію царя, составилъ описаніе открытія мощей и житія Гурія и Варсонофія, чтобы повѣдать всему міру дѣла и славу казанскихъ просвѣтителей.

Митрополитъ Гермогенъ, дѣйствительно, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ пастырей и людей своего времени, конечно не въ томъ смыслѣ, какъ нынѣ мы понимаетъ образованіе. Извѣстенъ характеръ русскаго образованія XVI—XVI вв. Онъ былъ духовный и всю тогдашнюю литературу можно назвать церковной, если не исключительно, то попреимуществу.

Въ этомъ направленіи шло и образованіе м. Гермогена до пріѣзда въ Казань и въ самой Казани. Русское образованіе въ полуинородческой Казани за это время также не представляло собой какихъ либо особенностей. Каталоги трехъ казанскихъ библіотекъ: каѳедральной при благовѣщенскомъ соборѣ и казанскомъ спасо-преображенскомъ и свіяжскомъ успенскомъ монастыряхъ, относящіеся съ второй половинѣ XVI в., вполнѣ подтверждаютъ высказанную мысль. Кромѣ Евангелій, апостоловъ, псалтирей и богослужебныхъ книгъ въ этихъ библіотекахъ имѣлись святоотеческія творенія Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Симеона Новаго Богослова, Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина, Исаака Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Дороѳея, Лѣствица—Іоанна Лѣствичника, Златоструй, Маргаритъ, Зерцало, Іоасафъ Царевичъ и Антіохъ (Притча объ Іоасафѣ Царевичѣ и Варлаамѣ). Нельзя не замѣтить, что литературное богатство тогдашнихъ лучшихъ казанскихъ библіотекъ составляли святоотеческія творенія преимущественно аскетическаго характера. Даже полной Библіи не было тогда ни въ одной библіотекѣ. Въ свіяжской монастырской библіотекѣ—встрѣчаемъ только книгу Бытія и Апокалипсисъ.

Что касается книгъ съ историческимъ характеромъ и положительнымъ знаніемъ, то ихъ почти не было. Іоасафъ Царевичъ, Косьма Адикопловъ или Индикопловъ являлись скорѣе назидательнымъ чтеніемъ. Съ такимъ же характеромъ были житія святыхъ, патерики: скитскій, печерскій и даніловскій, прологи и синаксари, а равно и отдѣльныя житія русскихъ святыхъ: Сергія (Радонежскаго), соловецкихъ и ярославскихъ чудотворцевъ. Въ спасо-преображенской библіотекѣ имѣлся Шестодневъ Василія Вел. и рукопись – основаніе церкви [1]). Только въ позднѣйшемъ каталогѣ библіотеки свіяж-

[1]) Списокъ съ писц. кн. г. Казани съ уѣздомъ 1566—1568 г. Казань. 1877 г. стр. 17, 32; Извѣстія по Казан. Епархіи 1907 г. № 8, стр. 237.

скаго монастыря 1613 г. встрѣчаются двѣ книги—лѣтописцы съ житіемъ Пафнутія Боровскаго, три книги сочиненія Максима Грека, Посланіе патр. Фотія о православной вѣрѣ; Извѣщеніе, како латыня отлучишася отъ вѣры; была еще книга, въ которой писано лѣтопровожденіе. Какъ видно изъ каталога 1613 г., въ свіяжской библіотекѣ имѣлись уже три полныхъ Библіи, вѣроятно изданія кн. Острожскаго, „въ литовской переплетикѣ“ [1]). Историко — полемическія и чисто историческія книги, съ характеромъ лѣтописцевъ, въ нач. XVII в. несомнѣнно встрѣчались въ казанскихъ—каѳедральной и спасо-преображенской библіотекахъ, къ которымъ м. Гермогенъ имѣлъ непосредственное отношеніе. Будучи человѣкомъ съ историческимъ складомъ ума, онъ не могъ не обогатить своихъ библіотекъ историческими книгами. Однако Казань съ ея библіотеками далеко не удовлетворяла Гермогена. Въ бытность въ Москвѣ, на поставленіи и на соборныхъ засѣданіяхъ, онъ въ свободные часы московской жизни работалъ въ богатѣйшей, по тогдашнему, митрополичьей, а затѣмъ патріаршей библіотекѣ чудова монастыря. Въ зеленой степенной и царственной (Кіевскихъ, Владимірскихъ и Московскихъ царей и государей) книгѣ чудовской библіотеки онъ, едва-ли ни первой изъ казанцевъ, встрѣтилъ повѣсть объ арскомъ татаринѣ-исповѣдникѣ Христовѣ, въ крещеніи Стефанѣ [2]).

Мѣстная исторія весьма интересовала м. Гермогена. Онъ собиралъ письменные памятники казанской христіанской и до-христіанской старины. Въ самой Казани онъ „обрѣлъ“ повѣсть о томъ, какъ въ Казани, въ 1529 г. 24 января, пострадалъ исповѣдникъ Христовъ Іоаннъ новый. Не

---

[1]) Опись Свіяжскаго монастыря 1613—1614 гг. Казань. 1892 г.

[2]) Плат. Любарскій. Сборникъ Древностей Казанской епархіи. Казань. 1868 г., стр. 69—70.

ограничиваясь письменными памятниками, онъ старался собрать „отъ достовѣрныхъ человѣкъ“ устныя преданія и свѣдѣнія о прошломъ христіанской Казани. Такимъ способомъ онъ узналъ о страданіяхъ другого христіанина изъ татаръ, въ крещеніи Петра. Плодомъ историко-археологическихъ розысковъ явились краткія житія казанскихъ мучениковъ Іоанна новаго, Стефана и Петра. Житія ихъ и страданія изложены м. Гермогеномъ въ челобитной патр. Іову отъ 9 янв. 1592 года Послѣ краткаго сказанія о явленіи казанской иконы Божіей Матери, составленнаго Гермогеномъ еще въ бытность гостинподворскимъ священникомъ, повѣсть объ Іоаннѣ, Стефанѣ и Петрѣ, въ изложеніи м. Гермогена, является вторымъ казанскимъ церковно-историческимъ памятникомъ, сохранившимся до насъ [1]).

Третьимъ произведеніемъ пера м. Гермогена будетъ полное Сказаніе о явленіи иконы казанской Божіей Матери, основаніи перваго женскаго казанскаго монастыря, украшеніи иконы и постройкѣ монастырской каменной церкви во имя Явленія иконы съ прибавленіемъ чудесъ отъ явленнаго образа. Сказаніе, составленное въ 1595 году, по повелѣнію царя Ѳеодора Іоанновича, съ цѣлью увѣковѣчить величайшее событіе въ Казани, проникнуто чувствомъ глубокаго благоговѣнія и смиренія самого писателя. Оно изложено картинно, но исторически вѣрно и дышитъ неподдѣльностью чувства и высокимъ вдохновеніемъ при воспоминаніи всего, что съ религіознымъ восторгомъ пережилъ въ продолженіе 15 лѣтъ самъ Гермогенъ, первый принявшій св. икону отъ земли въ чинѣ „поповстѣ“, а теперь митрополитъ казанскій [2]).

Но главнымъ произведеніемъ м. Гермогена по исторіи казанской церкви является повѣсть объ открытіи св. мощей

---

[1]) Такъ же стр. 67—73.

[2]) Сказаніе объ иконѣ Б. М. издано въ Изв. по Каз. Епархіи 1866 г.

9981

Ин-та Русского языка
БИБЛИОТЕКА
и МО. яз. и Мышления АН. СССР

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

и житія св. Гурія и Варсонофія. Повѣсть написана м. Гермогеномъ какъ очевидцемъ, и тотчасъ по открытіи самыхъ мощей...

Приступая къ составленію житій, м. Гермогенъ уже не засталъ никого, кто-бы съ дѣтства зналъ жизнь св. Гурія и Варсонофія. Но онъ и тутъ съ необыкновенной внимательностью и усердіемъ, какъ опытный духовный писатель и человѣкъ исторически образованный, собралъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, чтобы дать читателямъ полный образъ преподобныхъ. И, дѣйствительно, онъ не только воскресилъ, но и обезсмертилъ память о нихъ въ казанцахъ и всемъ православно-русскомъ народѣ.

Въ этомъ главномъ своемъ литературномъ произведеніи м. Гермогенъ, какъ духовный писатель и историкъ, обнаружилъ знаніе священнаго Писанія и знакомство съ твореніями св. отцевъ—Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и др. Хронологически послѣдовательное распредѣленіе матеріаловъ, логически послѣдовательная мысль, умѣнье группировать факты по главамъ, краткость изложенія весьма выгодно отличаютъ житія казанскихъ чудотворцевъ Гурія и Варсонофія изъ ряда другихъ житій и свидѣтельствуютъ, что ихъ составитель выработалъ болѣе или менѣе самостоятельные пріемы литературнаго изложенія житій. Это не только благочестивыя разсужденія, но вмѣстѣ исторія—живая и дѣйствительная. Поэтому самая рѣчь составителя въ повѣсти и житіяхъ жива и вдохновенно—образна, но не отступаетъ отъ подлинной исторической правды. М. Гермогенъ больше пишетъ какъ очевидецъ, или узнавъ отъ людей, заслуживающихъ довѣрія. Въ житіи св. Гурія онъ первый даетъ, хотя краткія, но самыя необходимыя свѣдѣнія о святителѣ Германѣ (глава 6).

Челобитье п. Іову о празднованіи мѣстныхъ праздниковъ въ честь казанскихъ исповѣдниковъ и поминовеніи героевъ, Сказаніе о явленіи казанской иконы Божіей Матери, Повѣсть

объ открытіи св. мощей и особенно житія св. Гурія, Варсонофія и частью Германа, составленныя м. Гермогеномъ [1]),— представляютъ изъ себя начало исторіи казанской церкви. Но, къ сожалѣнію, послѣ перваго казанскаго церковнаго историка, м. Гермогена, долго не находилось ему достойнаго преемника и продолжателя. Правда, въ полов. XVII в. составлено пространное житіе св. Германа инокомъ Іоанномъ, по благословенію м. Лаврентія, но оно далеко не исторично и чрезъ-чуръ велерѣчиво и въ то же время бѣдно фактами [2]). Между тѣмъ м. Гермогенъ въ своихъ литературныхъ трудахъ былъ прежде всего историкомъ—съ богатымъ запасомъ фактовъ для доказательства своихъ мыслей; даже въ грамотахъ онъ часто ссылался на факты и исторію, являвшуюся въ его глазахъ лучшей утительницей и руководительницей народа. Въ своихъ краснорѣчивыхъ грамотахъ онъ обнаруживалъ знаніе церковной и гражданской исторіи. Увѣщевая русскій народъ быть вѣрнымъ своему законному царю Василію Шуйскому, патр. Гермогенъ сравнивалъ измѣну ему и присягу тушинскому вору съ событіемъ изъ исторіи іудейскаго царства. Онъ писалъ, „что ни въ которомъ языцѣ, ни въ которыхъ родѣхъ, ниже въ памятныхъ книгахъ (лѣтописяхъ) встрѣчается такая страсть, какъ нинѣ у васъ, точно „древле богоубивственной и *мятежелюбивый* родъ іудейскій“ въ 40-е лѣто послѣ Распятія Христова изгналъ своего царя Агриппу и избралъ мужа убійцу Аханана и Семіона Идумѣнина (якоже и вы нынѣ) [3]). Или, убѣждая москвичей не впускать гетмана Жолкѣвскаго въ столицу, говорилъ имъ въ пылу воодушевленной любви къ отечеству: „помните, православные, что Карлъ сдѣлалъ въ Римѣ?“ Какъ извѣстно, Карлъ Великій, завоевавъ сначала сѣверную Италію и отнявши ее

[1]) Пл. Любарскій, Сборникъ Древностей Каз. епархіи, стр. 7—32.

[2]) Рукопись, бывшая Казан. Каѳедр. Благовѣщенскаго собора, нынѣ библіотеки С.П-бургской Академіи.

[3]) Акт. Археогр. Экспед. II, № 169.

у своего тестя Дезидерія, въ 774 г. присоединилъ ее къ франкской монархіи, а потомъ въ 800 г. былъ уже коронованъ съ именемъ Римскаго императора, лишивъ Италію политической самостоятельности. Вѣроятно этотъ поучительный историческій примѣръ имѣлъ въ виду п. Гермогенъ, задавая москвичамъ вопросъ: „помните, что Карлъ сдѣлалъ въ Римѣ?“

Гермогену приписываютъ составленіе сборника, писаннаго въ 1598 г. съ изложеніемъ чиновъ о принятіи въ церковь латинянъ, магометанъ и др. Кромѣ того изданы его рѣчь на коронованіе Шуйскаго, рѣчь или грамота предъ ополченіемъ на самозванца, грамота къ Сигизмунду—все это замѣчательные историческіе памятники. Если не имъ, то по его распоряженію, написано „Житіе царевича Димитрія Угличскаго“.

Смуты и лишенія мѣшали п. Гермогену трудиться въ области русской церковной исторіи самобытно и самостоятельно. Видимо его литературно-историческія работы прекратились съ восшествіемъ на престолъ Бориса Годунова, или же погибли вмѣстѣ съ самимъ авторомъ—страдальцемъ за Русь... При немъ началось изданіе миней и напечатаны были мѣсячныя минеи за сентябрь (1607 г.), октябрь (1609 г.), ноябрь (1610 г.); при немъ же напечатанъ былъ церковный уставъ (1610 г.). По ходатайству п. Гермогена В. И. Шуйскій сдѣлалъ новую „штанбу“ для печатанія книгъ и новый превеликій домъ для типографіи. Но все это сгорѣло во время сожженія Москвы поляками въ 1611 г. [1]). Так. обр. Гермогенъ былъ не только писателемъ, но также издателемъ...

Казанская исторія въ ея сложныхъ проявленіяхъ оставила глубокій слѣдъ въ литературныхъ трудахъ митр. Гермогена; съ другой стороны, самъ Гермогенъ, какъ іерархъ и государ-

---

[1]) Духовная Бесѣда 1861 г. т. XIII, стр. 423—424.

ственный дѣятель, много вліялъ на ходъ развитія казанской исторической жизни въ концѣ XVI и началѣ XVII в. Исторія казанскаго края за это время запечатлѣна характеромъ церковности и народности. На костяхъ предковъ и подъ сѣнью казанскихъ святынь въ черные и судные дни лихолѣтія Гермогенъ съумѣлъ воодушевить свою паству въ подвигахъ христіанской жизни и русскаго патріотизма. Много говорили уму и чувству русскаго человѣка въ инородческомъ краѣ инородцамъ-христіанамъ, и нынѣ прославленные м. Гермогеномъ великаны духа. Инородцы-христіане взываютъ въ похвалѣ св. Гурію: „Ты намъ свѣтъ истины показалъ.... ты прадѣдовъ нашихъ научилъ истинному богопознанію и за это съ благодарностію воспѣваемъ тебѣ: радуйся, Гуріе, Казанскій Чудотворче! На небѣ и на землѣ Богъ тебя прославилъ, а оставленное на землѣ тѣло твое въ нетлѣніи сохранилъ“...

Не меньшей, даже большей радостью радовался этому м. Гермогенъ, чувствуя себя не одинокимъ на трудномъ посту церковнаго и государственнаго дѣятеля въ полурусскомъ краѣ.

Необыкновенно во время прославились своимъ нетлѣніемъ и чудесами казанскіе чудотворцы. Для м. Гермогена становилось все труднѣе и труднѣе управлять казанскимъ краемъ, получившимъ какую-то двойственность по государственному управленію. Временщикъ Ѳеодора Іоанновича Борисъ Годуновъ, татаринъ по происхожденію, личность въ высшей степени загадочная, но несомнѣнно умный и хитрый, съ 1595 года назывался не только казанскимъ и астраханскимъ наслѣдникомъ, но прямо „содержателемъ великихъ государствъ— царства Казанскаго и Астраханскаго“. Этотъ титулъ не былъ простымъ наборомъ словъ. Онъ знаменовалъ, что великія государства—большія орды астраханскія и царство казанское отданы были въ обдержаніе Годунова [1]), сдѣлавшагося

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, стр. 207.

властелиномъ въ Казани, хотя лично не управлялъ страной. Но если во всемъ государствѣ совершались дѣла за печалованіемъ и промысломъ Годунова, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о казанскомъ краѣ. Митрополитъ Гермогенъ, нося титулъ царствъ, входившихъ въ титулъ Годунова, долженъ былъ издали угадывать планы и мысли хитраго временщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспитывать и развивать въ своей разнородной паствѣ чувство преданности русскому законному царю Ѳеодору Іоанновичу. Положеніе м. Гермогена, въ качествѣ государственнаго дѣятеля, было тѣмъ затруднительнѣе, что Борисъ Годуновъ никакъ не могъ освободиться отъ народнаго подозрѣнія въ загадочной кончинѣ царевича Димитрія. Быть соправителемъ личности, на которой не успѣло еще сгладиться пятно народнаго недовѣрія, для казанскаго первоіерарха было не такъ легко. Но онъ умѣлъ сохранять спокойствіе духа и идти намѣченнымъ путемъ поддержки христіанства и русскихъ интересовъ въ нашемъ краѣ.

7 января 1598 г. скончался послѣдній Рюриковичъ, царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, но безъ наслѣдниковъ. На мѣсто него русскимъ избранникомъ оказался „наслѣдникъ царства Казанскаго и Астраханскаго“ Борисъ Годуновъ (17 февр. 1598 г.). Царствованіе Годунова, сколько онъ ни старался сдѣлать его благодѣтельнымъ для народа, оказалось несчастнѣйшимъ. Возстанія и война, моръ и страшный голодъ сопутствовали царю Борису на престолѣ; чрезъ два года послѣ своего избранія Годуновъ, этотъ первый русскій единодержецъ, готовый вывести Русь на путь просвѣщенія, сдѣлался весьма подозрительнымъ и началъ принимать отовсюду навѣты и доносы. Ничего хорошаго не обѣщало такое поведеніе царя Бориса.

Въ какія отношенія м. Гермогенъ всталъ къ Годунову, мы опредѣленно ничего не можемъ сказать; равнымъ образомъ слишкомъ мало извѣстно о томъ, въ чемъ и какъ сказалось государствованіе бывшаго казанскаго и астраханскаго упра-

вителя на жизни Казани. Памятникомъ близкаго отношенія царя Бориса къ Казани остается село Борисоглѣбское, вставшее въ 1599 г. на дворцовой землѣ; при немъ расширенъ самый городъ Казань присоединеніемъ къ ея посаду митрополичьей Забулачной слободы, уступленной м. Гермогеномъ городу въ 1601 г. Къ памятникамъ царствованія Бориса Годунова можно относить первую казанскую борисоглѣбскую церковь. Тѣ же казанскіе памятники служатъ памятниками и о св. Гермогенѣ. Но къ нимъ можно прибавить еще другіе.

Послѣ уступки Забулачной слободы подъ казанскій посадъ, слободскіе служилые митрополичьи люди постепенно переведены были въ деревню Кульмаметеву, преобразованную м. Гермогеномъ въ село Архангельское, нынѣ Казанская пригородная слобода. Тамошній михаило-архангельскій храмъ былъ построенъ всецѣло на средства митрополичьяго дома. Все—образа, подсвѣчники, евангеліе, ризы, сосуды, колокола и всякое церковное строеніе было митрополичье. При церкви въ 1603 г. были устроены кельи для нищихъ. Новой слободѣ, впрочемъ, не суждено было вполнѣ развиться при м. Гермогенѣ.

И другая казанская окраина—Ягодная слобода напоминаетъ о Гермогенѣ. Въ ней м. Гермогенъ построилъ новый храмъ и освятилъ его во имя Димитрія Солунскаго, а прежній главный престолъ во имя соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія сдѣлалъ придѣльнымъ.—Такимъ образомъ слободскіе михаило-архангельскій и новый ягодинскій димитріевскій храмы, будучи всецѣло митрополичьимъ строеніемъ, служили не только памятникомъ управленія казанской епархіей м. Гермогена, но и свидѣтелями его заботъ о религіозныхъ нуждахъ казанцевъ. Освящая ягодинскій храмъ въ честь Димитрія Солунскаго, м. Гермогенъ, очевидно, имѣлъ цѣлью освятить и укрѣпить въ своей ближайшей паствѣ память о загадочно-погибшемъ, но дорогомъ русскому сердцу царевичѣ Димитріи.—Много потрудился св. Гермогенъ и надъ украшеніемъ казан-

скаго соборнаго храма, куда скоро (въ 1630 г.) м. Матѳіемъ перенесены были мощи св. Гурія. Онъ пріобрѣлъ для него литійный колоколъ, Денсусъ, иконы праздниковъ и пророковъ обложилъ серебромъ.

Несомнѣнно было въ Казани и казанскомъ краѣ, кромѣ остающихся и понынѣ, много памятниковъ управленія Гермогена казанской митрополіей, но безпощадные пожары, всесокрушающее время, а также человѣческая небрежность отняли у насъ не только многіе изъ этихъ памятниковъ, но и самыя свидѣтельства о нихъ. Ко времени управленія Гермогена казанской епархіей относятъ основаніе казанскаго мужскаго, нынѣ женскаго, ѳеодоровскаго монастыря. Царь Борисъ, дѣлавшій богатѣйшіе вклады въ русскіе монастыри, особенно троице сергіеву лавру, а съ нимъ и м. Гермогенъ въ казанскомъ краѣ не оставили безъ своей милости и вниманія казанскихъ монастырей въ уѣздахъ. Каменный сергіевскій храмъ въ свіяжскомъ мужскомъ троицкомъ, нынѣ женскомъ іоанно-предтеченскомъ монастырѣ, построенъ повелѣніемъ царя Бориса и освященъ м. Гермогеномъ въ 1604 г.

Свіяжскій сергіевскій храмъ существующій понынѣ, является однимъ изъ послѣднихъ казанскихъ памятниковъ совмѣстнаго управленія царя Бориса и м. Гермогена бывшимъ казанскимъ царствомъ. 13 апрѣля 1605 г. Борисъ скончался при тревожныхъ мысляхъ и безъ счастья въ душѣ. На Руси уже появился самозванецъ (1604 г.), объявившій, что Годуновъ царствуетъ не по праву, а насильствомъ, и что законный царь онъ, Димитрій, спасшійся отъ смерти. Народъ начиналъ вѣрить обманщику. При такихъ обстоятельствахъ каково было бы медленно умирать умнѣйшему Государю, сознавая, что все, за что ратовалъ онъ, разрушается еще при его жизни... Но Борисъ умеръ сразу... Онъ, будто-бы, отравился или былъ отравленъ, но приготовленнымъ имъ самимъ ядомъ.

Митрополитъ Гермогенъ пережилъ царя Бориса Годунова, но и его, уже семидесятипятилѣтняго старца, начинала трево-

жить мысль, что все, за что ратовалъ онъ и чему отдалъ лучшіе годы своей жизни и дѣятельности, можетъ погибнуть сразу. Онъ, умудренный книгами и опытомъ, лучше другихъ и сразу разгадалъ самозванца съ его планами, выработанными въ Римѣ и направленными къ сокрушенію православія на Руси, какъ основы русскаго національнаго самосознанія и опоры престола. Онъ видѣлъ, что въ лицѣ самозванца готовилась отрава для Руси, выросшей подъ знаменемъ православія.

Къ этому нужно прибавить ужасы, которые терзали сознаніе лучшихъ русскихъ людей по смерти Бориса. Нѣтъ словъ пересказать тѣхъ ужасовъ, какіе произошли по смерти Бориса Годунова. Озлобленные бояре задались цѣлью уничтожить весь родъ Годуновыхъ: однихъ сослали, другихъ удавили; не пощадили даже вдовы Бориса Годунова—царицы Маріи, дочери извѣстнаго злодѣя Малюты Скуратова; наконецъ, отвратительнымъ образомъ умертвили сына Бориса—царя Ѳеодора Борисовича, которому успѣла было присягнуть Москва. Но этимъ не все кончилось. Тѣло Бориса выкопали изъ могилы въ архангельскомъ соборѣ, гдѣ погребались всѣ московскіе государи, положили въ простой гробъ и вмѣстѣ съ женою и сыномъ похоронили въ бѣдномъ варсонофьевскомъ монастырѣ на Срѣтенкѣ. Лжедимитрій и его клевреты радовались этимъ ужасамъ въ Москвѣ—сердцѣ Россіи.

Каково было переживать все это м. Гермогену, близко интересовавшемуся всѣмъ, что происходило въ Москвѣ, а вмѣстѣ и въ Россіи. Онъ за все это болѣлъ своей русской душой. Ужасная московская драма развивалась. Крамола кипѣла. Но м. Гермогена спасли осмотрительность и предусмотрительность при благородствѣ характера. Онъ умѣлъ сохранить миръ среди раздора и соправлять даже Борису. Но когда онъ вынуждался проявить твердость своихъ архипастырскихъ и русскихъ убѣжденій, онъ былъ не уступчивъ, оказывался „грубъ“ и упоренъ. Однако и сами современники, далеко

не разгадавшіе характера м. Гермогена, видѣли въ немъ непреоборимаго пастыря и обличителя мятежниковъ за ихъ „христіаноборство“. Дѣйствительно онъ былъ таковымъ. Даже сенаторское званіе, данное м. Гермогену Лжедимитріемъ и сидѣніе въ сенатѣ, преобразованномъ изъ Боярской Думы, чуть не рядомъ съ лже-царемъ, не прельстило казанскаго святителя и не поколебало его православно-русскихъ убѣжденій и родныхъ традицій. Онъ первый изъ русскихъ іерарховъ выступилъ въ защиту православія предъ Лжедимитріемъ, гордо занявшимъ русскій престолъ. Мит. Гермогенъ обнаружилъ непоколебимое мужество и примѣрное сомоотверженіе, когда зашла рѣчь о женитьбѣ самозванца на католичкѣ Маринѣ. Лжедимитрій предъ всѣмъ соборомъ съ польской развязностью заявилъ свое желаніе жениться на католичкѣ Маринѣ Мнишекъ и просилъ благословенія вѣнчаться на ней безъ принятія ею св. крещенія по православному обряду. Патр. Игнатій, іезуитъ въ душѣ и ставленникъ Лжедимитрія, отвѣчалъ: „на твоей воли буди государь“. Прочія власти молчали изъ боязни царскаго гнѣва и опалы. Только Гермогенъ, поборникъ православія и истинный пастырь и учитель, знатокъ исторіи русской церкви и государства и тѣхъ началъ, на которыхъ росло и крѣпло Русское государство, смѣло отвѣтилъ въ глаза лже-царю: „христіанину царю не пристойно брать замужъ неправославную, вводить ее во святую церковь, и строить (для нея) римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь. Изъ прежнихъ русскихъ царей никто такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать!“ Поддержанный коломенскимъ епископомъ Іосифомъ, онъ сталъ настоятельно требовать, чтобы новая царица крестилась и оставила католичество прежде вѣнчанія. Въ противномъ случаѣ женитьба царя будетъ совершеннымъ беззаконіемъ на Руси. Такая ревность и прямота обозлили Лжедимитрія и стоили самому Гермогену лишенія власти и заточенія. Казанскій святитель немедленно высланъ былъ въ Казань, будто-бы, со снятіемъ сана.

Нельзя было придумать большаго униженія и оскорбленія для ревностнаго архипастыря, какъ сослать его обратно въ Казань въ образѣ простого инока и тѣмъ самымъ опозорить дорогія ему казанскія святыни и всѣхъ казанцевъ, около которыхъ въ долгіе годы выросла великая мощь и развилась христіанская ревность м. Гермогена. Однако онъ готовъ былъ покорно нести униженіе и изгнаніе „правды ради“.

Въ какой монастырь ссылался св. Гермогенъ и дѣйствительно ли былъ лишенъ сана, мы не знаемъ. Несомнѣнно онъ лишенъ былъ власти управлять епархіей. Но и такое наказаніе было слишкомъ тяжелымъ для невиннаго страдальца, если вспомнимъ, какъ онъ любилъ свою паству и дорожилъ плодами своей неутомимой архипастырской дѣятельности на пользу казанской паствы и дорогого отечества, попавшаго въ руки „польскаго свистуна“.

Св. Гермогенъ, находясь въ Москвѣ, сразу понялъ, что Русь становилась на край пропасти, особенно опасной для казанскаго полуинородческаго края, не успѣвшаго еще срости съ Московской Русью глубокими корнями. Но, говоритъ народная мудрость: „страшенъ сонъ, за то милостивъ Богъ“. Божественная правда, которой служилъ м. Гермогенъ до готовности пострадать за нее, спасла его для спасенія не казанскаго только края, но и всей православной Россіи. Вскорѣ послѣдовала смерть Самозванца — Лжедимитрія (1606 г.); она прекратила невинныя страданія Гермогена и открыла ему путь на новый подвигъ въ санѣ всероссійскаго первосвятителя— патріарха (3 іюля 1606 года).

Широкій путь оказался путемъ новыхъ сплошныхъ страданій. Бурные валы въ бушевавшемъ русскомъ морѣ уже захлестывали борты русскаго корабля. Страшныя волны бросали русскій корабль, какъ утлый членъ, изъ стороны въ сторону. Къ довершенію бѣды внутри корабля все разгорался и разгорался пожаръ: горѣло все—и борты, и трюмъ, и первые классы. Нужно было тушить пожаръ и причалить къ берегу,

но руль срывало, а рулевого нѣтъ. Положеніе отчаянное. Русь, въ лицѣ русскихъ людей, дорожившихъ отечествомъ, взывала о спасеніи. Нужно было спасать и вѣру, и отечество, и народность. Казанскій архипастырь Гермогенъ, оставивъ свою паству достойнѣйшему, м. Ефрему, въ преклонномъ возрастѣ семидесятипятилѣтняго старца отозвался на народный призывъ. Онъ сѣлъ на корму погибавшаго корабля, взялся за руль съ силой мужа совершенна... и спасъ святую Русь, но цѣною собственной жизни.... Поляки уморили голодомъ въ тюрьмѣ патріарха Гермогена, страдальца за Русь. (17 дек. 1612 г.).

Такъ скончался первый казанскій духовный писатель-историкъ, посвятившій лучшую пору своей жизни и *литературной* дѣятельности Казани и Казанскому краю. Вспомнить его чрезъ триста лѣтъ, по оставленіи м. Гермогеномъ дорогой для него Казани, кажется вполнѣ умѣстно и своевремено на годичномъ собраніи нашего историко-археологическаго Общества, посвященномъ 1906-му отчетному году, совпавшему съ юбилейнымъ годомъ для Гермогена, м. казанскаго.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛІОТЕКА
Общественныхъ Наукъ
Академіи Наукъ СССР